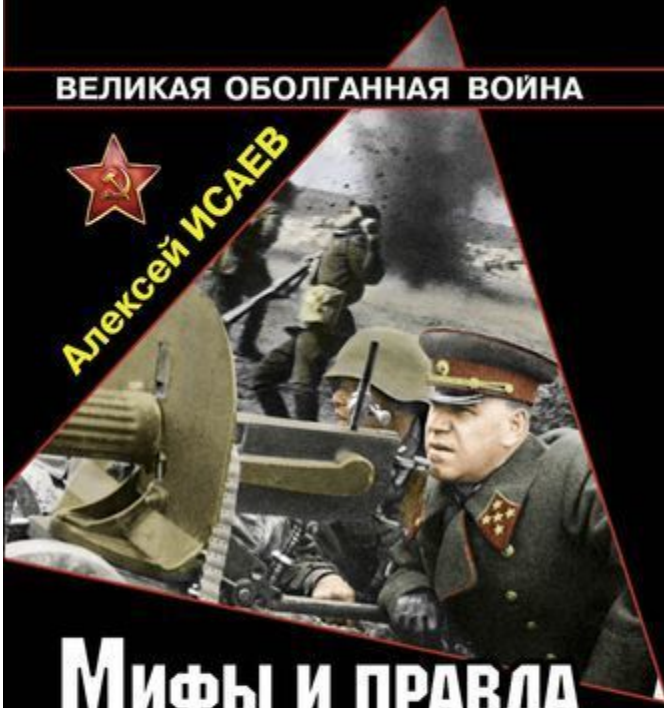
ВЕЛИКАЯ ОБОЛГАННАЯ ВОЙНА

Алексей ИСАЕВ



Мифы и правда о маршале Жукове

Алексей Валерьевич Исаев
Мифы и правда о маршале Жукове

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2149895
Исаев А. В. Мифы и правда о Маршале Жукове: Яуза, Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40240-3

Аннотация

В последние годы одной из главных мишеней «либеральных» историков-ревизионистов стал Георгий Константинович Жуков. В чем только его не обвиняют – и в некомпетентности, и в самодурстве, и в жестокости, и в пренебрежении солдатскими жизнями. Цели подобной «критики» очевидны – очернив Маршала Победы, ставшего одним из символов величайшего триумфа СССР, бросить тень и на само советское прошлое. Эта книга, основанная не на расхожих мифах и цитатах из «Воспоминаний и размышлений», а на подлинных оперативных документах за подписью самого Жукова, раскрывает его подлинную роль главного «кризис-менеджера» Красной Армии и его неоценимый вклад в нашу Победу: «В 30-ю годовщину Победы в Париже висели плакаты с портретом Жукова и подписью: «Человек, выигравший Вторую мировую войну». Это

было, конечно, преувеличением, но рациональное зерно в этой фразе есть…»

Содержание

Введение 5
«Тулон» красного комдива 26
Репетиция катастрофы? 59
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Алексей Валерьевич Исаев
Мифы и правда о Маршале Жукове

Введение

Немногим видевшим его иностранцам запомнился его «львиный лик», с широкими и твердыми устами.
Статья о Жукове в журнале «Тайм», декабрь 1942 г.

Считаю своим долгом уже с первых строк книги сделать признание: «Воспоминания и размышления» не являются моей настольной книгой. Я ее просматривал, изучал некоторые моменты, но ни одного издания мемуаров Г.К. Жукова в моей насчитывающей сотни книг библиотеке нет. В качестве источника цитат в других своих книгах я использовал электронную версию «Воспоминаний и размышлений», выложенную в сети Интернет. Объяснение этому тривиальное: я располагаю большим количеством оперативных документов за подписью Жукова. Сомнений в аутентичности этих материалов куда меньше, и их текст остается неизменным на протяжении всех тех лет, которые отделяют нас от момента их написания. Вне зависимости от того, писались ли они мо-

розной зимой 1941/42 г., или грозным летом 1942 г., или в победную весну 1945 г. Документы гораздо интереснее и куда меньше смахивают на облезлое чучело некогда грозного хищника в зоологическом музее. Именно такую ассоциацию у меня лично вызывают выхолощенные идеологией или соображениями личного характера мемуары многих действительно заслуженных военачальников. В машинописном тексте отчетов, приказов и распоряжений мысли и страсти осталось куда больше. В общем случае подборка документов с большей степенью детализации описывает события войны. Там, где в мемуарах один абзац или даже одна фраза, в документах – десятки страниц текста.

Именно эти страницы документов сделали меня апологетом Георгия Константиновича. Благодаря им было отчетливо видно, что Жуков знал, как нужно воевать. Поэтому он с 1939 г. стал «кризис-менеджером» Красной армии, тем человеком, которого бросали на самый трудный и опасный участок фронта. Жуков был своего рода «полководцем РГК», способным фехтовать армиями и дивизиями лучше своих коллег. Соответственно, его прибытие на находящийся в кризисе или требующий повышенного внимания участок фронта гарантировало Ставке повышенную эффективность действий советских войск на этом направлении. Одновременно я далек от бездумной восторженности. Жуков не был полководцем, который не проиграл ни одного сражения. Чаще ему приходилось из почти неизбежной ката-

строфы делать «не-поражение», выравнивать ситуацию от хаоса к хрупкому равновесию, вытаскивать других из глубокого кризиса. Георгию Константиновичу доставались самые сильные противники, самые трудные участки фронта. Мягкое подбрюшье спокойного участка фронта, недавно перешедшие к обороне резервы Жукову, как правило, не доставались. Иной раз ему приходилось бросать начатое дело и отдавать возможность пожинать плоды его усилий другим, вновь направляясь выручать попавшие в беду армии и фронты или вступать в бой с самой сильной и опасной группировкой противника. Если бы не политика умолчания неудач и кризисов, «Воспоминания и размышления» могли стать очень интересной и динамичной книгой.

Я принадлежу к поколению, которое воспитывалось в 90-е и для которого документы как источник сведений о людях и сражениях стали обыденным явлением. В советское время задорная вольтижировка цитатами из мемуарной литературы еще имела какой-то смысл – попросту потому, что других источников сокровенного знания практически не было. Однако стареющие вольтижировщики въехали с этими устаревающими не по дням, а по часам трюками в новое время. И выглядит это все странно, а местами просто глупо. У исторической науки есть свои правила и наработанные десятилетиями и даже столетиями методики. Если мы откроем учебник источниковедения и прочитаем характеристику мемуарной литературы, то увидим следующие строки:

«Мемуары возникли как жанр художественной литературы, т. е. это материал не столько для исследований, сколько для чтения, часто занятного. Историки же, забывая об этом, подходят к мемуарам исключительно как к историческому источнику. Такой подход порождает претензии к мемуаристу относительно его попыток придать воспоминаниям черты занимательности»[1].

В том же учебнике мы найдем характерные черты мемуаристики советской эпохи, имевшей, как и все прочие эпохи, свои особенности:

«стремление быть сопричастным тому или иному событию;

стандартизация в характеристиках ситуаций, людей;

формирование образа врага;

недоговоренность, наличие фигуры умолчания, эзопов язык»[2].

Всем этим букетом «достоинств» воспоминания Георгия Константиновича обладают в полной мере. И было бы странно, если бы они этим букетиком не обладали: все эти пункты в той или иной мере можно отнести к любой книги серии «Военные мемуары». Кроме того, огромное влияние оказал идеологический прессинг и политика умолчания послевоенной эпохи. Поэтому говорить: «Жуков не написал про борь-

---

[1] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1998. С. 637.

[2] Там же. С. 635.

бу за Ржев и операцию «Марс», и поэтому он плохой полководец» – по меньшей мере несправедливо.

Сама политика умолчания действовала не по столь очевидным принципам, как мы можем полагать сегодня. Они не были прямолинейными: «объективно проиграли, значит, молчат». Дело в том, что в послевоенные годы очень ярко проявился так называемый «эффект Пекинхема». Английский офицер Пекинхем был наблюдателем на японской эскадре в Цусимском сражении. В составленной по итогам боя записке он утверждает, что русские корабли стреляли чаще и лучше. В свою очередь, то же самое говорили о стрельбе японцев участники боя из числа выживших офицеров и матросов 2-й Тихоокеанской эскадры. Непосредственному участнику сражения в силу определенных причин психологического характера часто кажется, что противник лучше вооружен, лучше и чаще стреляет, обладает огромным численным превосходством и неисчерпаемыми резервами. Неочевидный эффект своих действий на противника приводил к неверной оценке самих действий. При этом новейшие исследования показывают, что замалчивать-то как раз стоило избиение советских танков под Прохоровкой, а не действия Южного фронта на реке Миус в июле 1943 г., многие документы по которым до сих пор закрыты грифом «секретно». Хаотичная и при внимательном рассмотрении бестолковая политика умолчания приводила к тому, что мемуаристы вынуждены были оставлять без внимания многие мо-

менты, несомненно оставшиеся у них в памяти.

Не нужно также забывать, что мемуары пишутся постфактум. Все тот же учебник источниковедения констатирует: «Главная же сложность состоит в том, что мысли мемуариста, умудренного опытом, уже знающего все последствия описываемых событий прошлого, эти мысли, вольные или невольные, часто вкладываются в голову того, может быть, даже совсем не прозорливого, и совсем даже не смелого, и далеко не сообразительного участника давней истории, каковым мемуарист был когда-то»[3]. Такие моменты мы без труда найдем в любом военном мемуаре, как советском, так и немецком. Характерным примером является эпизод с рекомендацией Г.К. Жукова оставить Киев, за которую, согласно «Воспоминаниям и размышлениям», ему пришлось покинуть пост начальника Генерального штаба Красной армии. Последовавшее окружение советских войск под Киевом якобы произошло вследствие того, что Сталин не послушал начальника Генерального штаба. Как мы увидим далее, при внимательном изучении событий августа – сентября 1941 г. выясняется, что глубокого предвидения не было и предложения Жукова носили локальный характер и никак не влияли на судьбу Юго-Западного фронта в целом.

В свете вышеизложенного я считаю, что объективную оценку деятельности Г.К. Жукова можно получить скорее по

---

[3] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1998. С. 635–636.

тому тексту, который он практически со 100 %-ной достоверностью писал сам, то есть по оперативным документам за его подписью. Когда, например, Георгий Константинович сам с нескрываемой гордостью пишет о сложной системе мер маскировки первого советского летнего наступления в 1942 г. под Ржевом. Этих документов хватит на несколько томов формата «Воспоминаний и размышлений». Конечно, они не всегда отражают механизм принятия решения, дискуссии между руководителями операций по тем или иным вопросам. С этим приходится мириться, т. к. отделить правду от вымысла в многочисленных воспроизведенных мемуаристом диалогах довольно трудно.

Одна из проблем в том, что помимо общих недостатков мемуаров воспоминания военачальников обладают рядом специфических особенностей. Как правило, в жанре мемуарной литературы работала культурная и политическая элита, чаще всего обладавшая опытом публичных выступлений, написания статей публицистического характера и даже крупных научных работ. Но не всякий полководец обладает талантом излагать свои мысли на бумаге. Нам известны сильные и интересные мемуары Манштейна и Гудериана, но практически неизвестны воспоминания Гота и Хауссера. Гот нам больше известен по брошюрке из серии «Вермахт сражается», переведенной в советское время. При этом по своему боевому опыту Герман Гот может дать сто очков вперед Гейнцу Гудериану. Он с первого дня войны на Востоке ру-

ководил объединением класса танковой армии и прошел через пламя самых крупных сражений на советско-германском фронте. Гудериан же с поста командующего танковой армии был смещен в декабре 1941 г. и в дальнейшем объяснял фюреру разницу между боевым применением САУ «Штурмгешюц» и танка Pz.IV и другие рутинные вещи. То, что «быстрый Гейнц» известен нам больше других немецких танковых командиров, это исключительно плод его личного самопиара. Еще менее известны мемуары, написанные Паулем Хауссером, командовавшим вначале дивизией СС «Райх», затем танковым корпусом СС, а в 1945 г. поднявшимся на уровень командующего группой армий. Когда Хауссер писал свою книгу, СС были уже объявлены преступной организацией, и бывший эсэсовский полководец писал оправдательный труд, уделяя больше внимания не столько собственным мыслям, сколько боевой деятельности своих подчиненных в трудных эпизодах войны. Сражению на Курской дуге, в котором его танковый корпус СС играл одну из главных ролей, посвящено буквально две странички, сражению под Прохоровкой – один абзац. Пользуясь методикой В. Суворова, можно на этом материале легко развить конспирологическую теорию о поражении корпуса СС под Прохоровкой, которого на самом деле не было.

Понимание проблемы в соответствующих ведомствах СССР присутствовало. Повышение читаемости записей советских полководцев было поручено литераторам. При этом

«инженеры человеческих душ», которым была доверена литературная обработка, вносили свои помехи в создание мемуаров полководцев. Среднестатистический писатель обладал практически нулевыми познаниями в военном деле. Привычным для него было красивое описание подвигов отдельных личностей тактического звена в армейской газете «Ура, вперед!». Термины и обороты, которые писатели могли нахватать на слух в штабе армии или фронта, только усугубляли общую картину поверхностных знаний, если даже не сказать невежества в военном деле. Поэтому замечательный писатель, без преувеличения классик советской литературы К. Симонов одновременно является автором целого ряда расхожих мифов о войне. Например, боевое применение бомбардировщиков ТБ-3 в массовом сознании устойчиво ассоциируется с описанием их расстрела из «Живых и мертвых», хотя увиденное Симоновым отнюдь не является типичным случаем. Гиганты ТБ-3 чаще всего применялись ночью и поэтому благополучно дожили до десантных операций зимы 1941/42 г.

Чтобы мемуары «заиграли», были действительно объективными и интересными вне зависимости от литературных талантов военачальника, нужна была огромная работа. Идеальный вариант представляется таким. Создается группа офицеров, имеющих академическое образование и опыт работы в штабах. Анализируя оперативные документы, офицеры готовят список вопросов, на которые старается возможно

детально ответить полководец. Уже эти записи имеет смысл обрабатывать литературно. Литераторы просто не обладали достаточными знаниями, чтобы задавать действительно грамотные вопросы полководцам великой войны. Поэтому многие вещи, к сожалению, оказались безвозвратно утрачены.

Жуков над картой. 1945 г.

Диалог военачальника с литзаписчиком, журналистом

или даже историком часто представлял собой разговор слепого с глухим. Оперативное искусство не зря называется «искусством», а не «наукой» или «ремеслом». Деятельность полководца во многом носит творческий характер. Широко известна фраза, приписываемая итальянскому скульптору Микеланджело Буонарроти: «Я беру глыбу мрамора и отсекаю от нее все лишнее». Если в случае скульптора «лишнее» более-менее ощутимо и понятно, механизм действий полководца куда менее очевиден. Генерал смотрит на мешанину специальных символов на расстеленной на столе карте и, подобно Микеланджело, увидевшего в мраморной глыбе фигуру юноши, видит на карте контуры будущего сражения. При этом обычный человек, писатель или даже историк далеко не всегда может понять, что именно показывают разноцветные стрелочки и «реснички», нанесенные поверх лесов и дорог на карте.

Когда понимание механизма развития крупного сражения отсутствует, то на уровень крупного сражения проецируются более понятные тактические решения. Задача облегчается тем, что на расстеленной на столе карте масштаб событий во многом теряется. Как позиции полка, так и позиции целой армии и фронта умещаются на нескольких склеенных листах бумаги на письменном столе. Только масштаб склеиваемых кусков разных карт и измеряемые циркулем расстояния могут различаться на порядок, приводя от количественных изменений к качественным. Соответственно, считается,

что обороняться, сидя в безопасном окопе за рядами мин и колючей проволоки, безопаснее, чем подниматься из окопа в наступление навстречу роям пуль и осколков. Но действительно великими полководцами становились те, кто понимал преимущества активной стратегии, те, кто был готов наступать с решительными целями в самой безвыходной ситуации. Успех в конечном итоге приходил к тому, кто умом или звериным чутьем понимал необходимость подавить инстинкт самосохранения и атаковать сегодня, чтобы выжить и победить завтра. Искусством делало военное ремесло умение выбора точки и момента перехода в наступление от вынужденной обороны. Жуков этим искусством овладел в совершенстве. С первых дней войны он демонстрирует понимание того, как следует наносить контрудары в оборонительных операциях.

Еще более сложной и многогранной делала личность полководца необходимость управлять большими массами людей. Интеллигенция почему-то ищет среди военачальников отражения собственных представлений об идеальной личности. Полководец должен быть знатоком литературы и искусства, обладать тонкими чертами лица, желательно слабым зрением. Однако армия представляет собой особую касту общества, лидеры которой по личным качествам существенно отличаются от светил науки, образования или мастеров культуры. Это не шахматисты и не физики из «Девяти дней одного года». Помимо умения понимать оперативную обстановку

военачальникам нужно доводить свои решения до многочисленных подчиненных и добиваться их исполнения. Это означает определенную жесткость, даже жестокость, умение психологически давить на собеседника и даже ораторские способности. В этом полководцы сродни крупным предпринимателям, политикам или воротилам промышленности. Только в отличие от владельцев сталелитейных заводов в подчинении у военачальников находятся люди, которые каждый день рискуют жизнью. «Бить их рублем» бесполезно, их можно или убеждать, или подавлять психологически. К этим способностям примыкает дар принятия решения. В отличие от кабинетного ученого военачальник принимает решения в условиях недостатка информации, не имея просто физической возможности всесторонне обдумать приказы и распоряжения. У него нет времени на рефлексию: он опирается только на свой опыт и интуицию. Причем после выбора того или иного варианта действий чаще всего нужно упрямо гнуть свою линию, т. к. последовательное проведение в жизнь пусть не лучшего решения на войне гораздо лучше приводящих к хаосу метаний. Оборотной стороной полезных для военного дела качеств оказываются не самые лучшие черты характера. Часто внешней стороной умения повелевать и проводить свои решения в жизнь становится скверный характер, что заставляет кого-то сетовать на манер Сальери в пушкинских «Маленьких трагедиях»:

Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений – не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

«Бессмертный гений» полководца может озарить и потомственного дворянина, и убежденного нациста, и прожженного авантюриста, примкнувшего в лихое время к революционным фанатикам. Гением военного дела может быть агрессивный, очень упрямый и лишенный классического образования и воспитания человек. Точно так же им может быть бывший молочник (М.Е. Катуков), банкир (державший «бутылочное горло» у Ладоги В. Венглер) или зубной врач (танкист Франц Беке). Дарующим необыкновенные способности поцелуем Господа иной раз награждается совершенно заурядный с бытовой точки зрения человек. Точно так же славный, добрый малый и прекрасный семьянин может оказаться полнейшим ничтожеством как военный и политический деятель. Совершенно бессмысленно оценивать Жукова или кого-либо еще, рассматривая его поведение в быту и манеру разговора с подчиненными.

Полководческий талант сродни музыкальному слуху. Если его нет, то никакая учеба не поможет. Академическое образование само по себе не дает никаких гарантий успеха на поле боя. Поэтому в любой армии при переходе от мира к

войне происходит жесткий отбор военачальников всех рангов, отсеивающий тех, у кого «нет слуха» на музыку сражения.

Продолжая тему «Маленьких трагедий», не будет лишним заметить, что рассуждения о гении и злодействе здесь так же неуместны, как в случае хирурга со скальпелем в руках. Для общего блага и сохранения государства военачальникам часто приходится принимать жесткие решения в отношении тех или иных людей или даже сознательно обрекать на гибель целые подразделения. Более того, даже успешные боевые действия неизбежно приводят к потерям. Косвенно в гибели и увечьях солдат и командиров «виноваты» те люди, кто подписывал приказы на ввод в бой понесших потери частей и соединений. Мало кто будет возражать, что вообще без потерь вести войну невозможно. В 1918 г. английский премьер-министр Ллойд Джордж поручил одному из видных английских военачальников узнать у главы правительства Франции Жоржа Клемансо, правда ли, что какой-то французский генерал открыл способ вести наступление без потерь. Генерал дисциплинированно отправился к Клемансо за справкой. «Скажите, пожалуйста, Ллойд Джорджу, что он дурак!» – в сердцах ответил старик. Помимо неизбежных даже при идеальном планировании и проведении операции потерь, малейшие ошибки в организации и неучтенные факторы приводят к дополнительным потерям. Все это является основой для спекуляций на тему о кровожадности военa-

чальников и обвинений в гибели людей. Проблема в том, что полигонные условия ведения операций крайне редки. Разве что политики обеспечат упреждение противника в развертывании и «блицкриг». Большую часть войны приходится вести упорную борьбу, принимать решения в условиях недостатка времени и информации. Противники еще достаточно сильны и обрушивают друг на друга чувствительные удары, и, казалось, безупречно спланированные операции превращались в мясорубки, продвижение вперед в которых исчислялось сотнями метров. Такие битвы пришлось пройти многим военачальникам Франции, Англии, Германии и России в 1914–1918 гг., СССР в 1942–1943 гг.

Обвинения в излишних потерях, вообще говоря, не редкость в отношении военачальников любого уровня. Однако последнее время именно Г.К. Жуков оказался под прицелом критики, далеко не всегда конструктивной. На мой взгляд, у этого явления есть две причины, точнее, группы причин. Во-первых, есть ряд персонажей, которые не могут простить Жукову колоссального вклада в успех Советского Союза в Великой Отечественной войне. Как правило, эти люди являются убежденными антикоммунистами и в этой своей антипатии несколько заигрываются. Логика этого подхода напоминает сакраментальное «не доставайся же ты никому!». Обидно, конечно, когда любимая женщина уходит к другому. Но это отнюдь не повод целить в нее из револьвера и желать всяческих напастей. Новый «муж» России в лице

коммунистов не был подарком, но это еще не повод желать зла своей стране. Достойный выбор всегда есть. Можно, как это сделал Шкуро, перейти на сторону нацистов, а можно, как писатель Гайто Газданов, участвовать в движении «Сопротивление». Последний в Гражданскую смотрел на коммунистов через панораму «трехдюймовки», эмигрировал и работал в Париже таксистом. Оснований ненавидеть советскую власть у него было более чем достаточно. Однако он не счел нужным хоть как-то сотрудничать с немцами. Есть вечные ценности, лежащие выше личных политических пристрастий. Жуков не был «цепным псом режима», он просто честно служил своей стране. Эффективность политического и военного руководства была доказана флагом над рейхстагом.

Рассуждения, которые в доведенном до логического финала виде звучат в форме «лучше бы мы проиграли, а не выиграли под началом коммунистов», просто глупы. В устах современных пещерных антикоммунистов это вырождается в рассуждения о том, что «выиграли нечестно», «завалили трупами» и т. п. В какой-то степени это напоминает рассуждения немецких мемуаристов о том, что Советам нечестно было иметь такой танк, как Т-34. Соответственно, сделавший много для победы в войне Г.К. Жуков оказывается главным «нечестным игроком». Доказывается, что он больше всех «заваливал трупами», упустил массу случаев закончить войну в Берлине уже в 1942 г., а приписываемые ему

победы на самом деле следствие того, что немцы сами остановились и сами не хотели достижения поставленных целей.

Во-вторых, заметную группу неконструктивных критиков Г.К. Жукова составляют люди, для которых он является символом жесткого и бескомпромиссного начальника. Своими корнями эта ветвь критики Жукова уходит в армейскую среду тактического звена. Главный тезис этой критики не декларируется в явном виде, но вполне четко просматривается: высокие потери и неудачи в сражении всегда суть следствие ошибок высшего командного состава. В далекой перспективе такая критика ставит целью выдачу индульгенции командирам среднего звена. Они практически никогда не ошибаются, а неудачи их суть следствие неправильных приказов «дураков-начальников». Вполне определенно этот тезис сформулировал написавший обличительно-разоблачительные мемуары начальник разведки 1-го гв. кавалерийского корпуса П.А. Белова полковник А.К. Кононенко: «Вечная слава героям, погибшим из-за ошибок своих высоких руководителей». Такая логика порочна сама по себе. Как часто говорят, «у победы много отцов, поражение всегда сирота». Если военачальник одерживает победу, то она становится общим достоянием. Действительно, свой вклад есть и у руководителя операции, и у командовавшего в ней взводом младшего лейтенанта. Однако в случае неудачи тактическое звено стремится сделать эту неудачу дитятей только высшего руководства. Между тем вполне очевидно, что своя

доля вины лежит на всех. Проигрыш, так же как и победа, есть продукт действий всех участников сражения, от пресловутого младшего лейтенанта до генерала. Очевидно, конечно, что можно выступить безукоризненно и честно исполнить свой долг в проигранной битве. Но столь же очевидно, что проигрыш крупного сражения есть следствие цепочки неудач на поле боя, множества промахов командиров взводов, полков и дивизий. Многие позиционные «мясорубки» двух мировых войн начинались с провала командиров тактического звена в развитии прорыва, когда противник был еще слаб. Заметим, что знавшие толк в военном искусстве римляне наказывали не только руководителя побежавшего с поля брани легиона, но и проводили децимацию (казнь каждого десятого) рядовых бойцов и младших командиров.

Желание армейской среды перекладывать вину на высшее руководство, а самим оставаться в чистом белом костюмчике понятно и объяснимо, но не может быть поддержано. Это крайне опасная тенденция, приводящая к расхолаживанию армии, неизбежным следствием чего являются тяжелые поражения в больших и малых войнах. Особенно важно это в условиях локальных конфликтов, где большая нагрузка ложится именно на тактических командиров. Если они будут думать: «мы всегда в белом, а начальники – дураки и тупицы», то вместо белого костюмчика у них будут все шансы обзавестись белыми тапочками и цинковым домиком. И если смерть вследствие собственного разгильдяйства и непро-

фессионализма – это личные трудности данных командиров, то гибель подразделений и невыполнение поставленных задач – это проблема страны и армии.

Одной из черт полководческого искусства Г.К. Жукова была способность воевать теми войсками, которые были в его распоряжении. Воевать дивизиями, состоящими из хорошо подготовленных «терминаторов», нетрудно. Намного тяжелее проводить сложные и многоплановые операции свежесформированными соединениями, опираясь на командиров, которых нужно постоянно поправлять и понукать. Поэтому помимо непосредственного руководства операциями Жуков принял активное участие в создании Красной армии заново после катастрофы 1941 г. Разработка теории и практики ведения наступательных операций и техники прорыва фронта на многие месяцы и даже годы стала объектом его раздумий и критического анализа прошедших боев. Артиллерийское наступление и штурмовые группы стали его детищем и визитной карточкой операций. Умение расстраивать, подавлять и преодолевать огонь противника, продвигаться вперед и закреплять успех было первоочередным навыком войск, необходимым как в обороне, так и в наступлении. Жуков оттачивал это искусство с первых дней войны, он постоянно работал над совершенствованием тактики прорыва.

В отличие от других сфер человеческой деятельности, война еще чрезвычайно опасна и не дает шанса непрофессионалам. В Средние века учившийся с младых ногтей фехто-

вать дворянин обладал колоссальным преимуществом перед людьми низших сословий в бою. Его реакция и знание приемов фехтования позволяли отправить на тот свет впервые взявшего в руки меч простолюдина, прежде чем тот успевал сказать «мама!». В Новое время «фехтование» распространилось на уровень ведения операций крупными массами войск. Здесь также умение быстро реагировать на ситуацию и ворочать сотнями тысяч человек не давало шансов дилетантам. Георгий Константинович был лучшим оперативным фехтовальщиком Красной армии. Он знал, когда нужно парировать удар противника или уходить от него, когда и как делать ответный выпад. Как и Красной армии в целом, ему пришлось пройти жестокую школу первых лет войны, но здесь тот случай, когда учеба была впрок и ее результаты быстро разворачивались в сторону непрошеных учителей.

«Тулон» красного комдива

Однажды Бонапарт указал на форт Эгильет на карте и воскликнул:

– Вот где Тулон!

Генерал Карто, подтолкнув соседа локтем, шепнул:

– Малый, кажется, не силен в географии.

Исторический анекдот

В жизни каждого знаменитого полководца есть свой «Тулон» – сражение, выделившее малоизвестного молодого военачальника из сотен таких же командиров. В декабре 1793 г. штурм Тулона сделал Наполеона Бонапарта бригадным генералом в 24 года и стал началом его головокружительной карьеры. Наполеон под Тулоном проявил главное качество полководца – умение видеть на карте «шверпункт», ключевую точку местности, позволяющую решить поставленную задачу. Как говорил Дерсу Узала: «Бывают такие люди: глаза есть, а «посмотри» нету». Полководческое искусство заключается во многом в наличии «посмотри» на карте и на местности. У молодого артиллерийского офицера Наполеона Бонапарта были и глаза, и «посмотри», а у руководившего осадой генерала Карто только внешне пригодные для «посмотри» органы зрения. Поэтому попытки штурма Тулона республиканцами были неудачными.

Роялисты в 1793 г. изгнали или перебили представителей новой власти и призвали на помощь крейсировавший в западной части Средиземного моря английский флот. Революционная армия осадила Тулон с суши. Крепость Тулон считалась неприступной. Капитан Наполеон был назначен начальником артиллерии осаждавших вместо заболевшего капитана Доммартена (кто-нибудь знает это имя сегодня?) по рекомендации депутата Конвента от Корсики и друга Бонапарта Салицети. Бонапарт рассчитал, что, взяв форт Эгильет, можно будет обстрелять флот противника, заставить его уйти и отобрать у защитников Тулона надежду на английскую эскадру. После двухдневной канонады в час пополуночи 17 декабря под проливным дождем республиканцы пошли на штурм защищавшего форт Английского редута. В пять утра начался уже штурм самого форта, и вскоре Эгильет был захвачен. Наполеон начал на захваченных у Эгильета позициях устанавливать батареи, нацеленные на английскую эскадру. После этого падение Тулона действительно уже было делом времени. Грамотные и решительные действия молодого капитана-артиллериста были замечены в Париже. Началась карьера человека, проведшего впоследствии шесть десятков сражений, количественно несравненно больше, чем в совокупности дали Александр Македонский, Ганнибал, Цезарь и Суворов.

«Тулоном» комдива Жукова стали сражения на реке Халхин-Гол летом 1939 г. Обычно с именем Жукова связывают

только завершающую фазу конфликта – наступление советских войск в конце августа 1939 г. Однако в действительности ему пришлось разыгрывать довольно сложную комбинацию в течение трех месяцев боев. Жукову удалось вывести советские войска в Монголии из глубокого кризиса, отразить наступление японцев, накопить силы и разгромить противостоящие ему японские войска в решительном сражении на окружение.

Если история назначения Наполеона в Тулон более-менее исследована, то в истории назначения Жукова командиром 57-го Особого корпуса до сих пор немало белых пятен. Предыдущий командующий корпуса, Н.В. Фекленко, был снят с формулировкой: «Плохо понимает природу боевых действий в специфических условиях пустынной степной местности». Комдив Жуков к моменту отправки в Монголию служил заместителем командующего Белорусским военным округом по кавалерии. На эту должность он был назначен в июне 1938 г., а до этого командовал кавалерийской дивизией и кавалерийским корпусом в том же Белорусском военном округе. Предположить, что Георгий Константинович за несколько лет службы в Белоруссии приобрел бесценный опыт действий в пустынях и степях, было бы безумием. Служивший с 1936 г. в Монголии Фекленко знал театр военных действий гораздо лучше. Более подходящим в сравнении с Жуковым кандидатом был, например, служивший в 1930–1933 гг. в Туркестане кавалерист Д.И. Рябышев. В

конце концов, можно было вернуть на пост первого командира особого корпуса в Монголии – И.С. Конева. Он еще со времен Гражданской войны был знаком с дальневосточным ТВД.

Командующий фронтовой группой командарм 2-го ранга Г.М.Штерн, командующий армией МНР маршал Х. Чойбалсан и командующий 1-й армейской группой комкор Г.К. Жуков.

Кроме того, назначение в Монголию кавалериста Жукова было само по себе странным. В 57-м Особом корпусе была лишь сравнительно малочисленная монгольская конница, а

костяк советских войск составляли механизированные части и соединения на танках и броневиках. Мотоброневые бригады как организационные структуры были уникальными для Красной армии и существовали только в составе корпуса в Монголии. Если в других округах броневики применялись в разведывательных подразделениях, то в Монголии были созданы бригады из 57 средних и 25 легких броневиков, батальона мотопехоты и артиллерийского дивизиона. Закончивший курсы усовершенствования командного состава при академии моторизации и механизации, Фекленко был теоретически более подходящей кандидатурой для управления такими войсками. Более того, он с 1936 г. был командиром 7-й мотоброневой бригады 57-го корпуса и мог изучить возможности этого уникального в советской и даже мировой практике мотомеханизированного соединения. Если командование не устраивал лично Фекленко, то можно было подобрать кого-либо из командиров-танкистов.

Таким образом, становится понятно, что Жуков теоретически не был равноценной заменой Фекленко. Задача смены командира корпуса первоначально даже не ставилась. Г.К. Жуков был отправлен в Монголию не командовать корпусом, а с целью «проверки состояния и боевой готовности частей 57-го отдельного корпуса»[4]. От должности заместителя командующего Белорусского округа по кавалерии Жу-

[4] *Краснов В.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 98.

ков не освобождался. Поездка в Монголию была лишь временной командировкой будущего маршала. Именно с целью проверки состояния 57-го корпуса 29 мая 1939 г. комдив Жуков вместе с комбригом Денисовым и полковым комиссаром Чернышевым вылетел в Монголию. Существует легенда, что ключевую роль в назначении именно Жукова в проверяющие сыграл С.М. Буденный, знавший его по службе в инспекции кавалерии РККА в Москве в начале 1930-х годов. Тогда Семен Михайлович назвал Жукова «командиром с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчиненным, в последнем случае наблюдается излишняя жесткость и грубоватость». Видимо, считалось необходимым «встряхнуть» командиров в удаленном от столиц и затерянном в степях Монголии 57-м Особом корпусе. Также Буденный отметил, что у Жукова «чувство ответственности за порученную работу развито в высокой степени». Похоже, Семен Михайлович сумел разглядеть в молодом красном командире качества характера, которые были куда важнее знания специфики какого-либо театра военных действий – умение повелевать и твердость характера. Пока Жуков был отправлен в роли требовательного проверяющего, который не углубится в банкеты с проверяемыми.

Необходимость для высшего руководства Красной армии иметь свои глаза и уши на Халхин-Голе была вполне понятной. Монголия до начала пограничных столкновений не была престижным местом службы. Эта удаленная от цивилиза-

ции окраина с суровым климатом давала мало возможностей проявить себя и сделать карьеру. Здесь просто тянули лямку тяжелой армейской службы, мечтая поскорее вырваться из безжизненной пустыни на краю света. Поэтому обошедшийся без успехов в мае 1939 г. Н.В. Фекленко априори вызывал настороженность у высшего командования. Командованию была нужна гарантированная победа.

Развивающейся Красной армии очень важно было не проиграть в разгоравшемся в мае 1939 г. конфликте с японцами. Люди старшего поколения, к которым относилось большинство руководителей Советского государства и армии, хорошо помнили пощечину 1904–1905 гг. Тогда не воспринимавшиеся доселе всерьез японцы нанесли удар по престижу России. Катастрофы Порт-Артура и Цусимы стали предвестниками последовавшего вскоре меньше чем через 12 лет крушения империи Романовых. Пограничный конфликт с японцами был своего рода вызовом новой власти, которая должна была продемонстрировать свое умение решать проблемы силовым путем и превосходство над предшественниками на этом поприще.

В связи с этим небезынтересно проследить историю назначения Жукова с должности проверяющего на должность командира 57-го Особого корпуса. Надо сказать, что я сильно недолюбливаю мемуары за встречающиеся на каждом шагу мелкие неточности и нестыковки. Так, в «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков указывает, что прибыл в штаб

57-го корпуса «к утру 5 июня». Между тем имеется подписанный им документ, отправленный из штаба корпуса в Тамцак-Булаке 30 мая 1939 г. Это было донесение только что прибывшего проверяющего наркому обороны К.Е. Ворошилову.

Вникнув в работу командования 57-го корпуса, Жуков сообщает К.Е. Ворошилову ужасающие факты деятельности командования затерянного в пустыне соединения. Уже 3 июня 1939 г. он пишет: «С 29 мая не могут добиться полного введения скрытого управления войсками… Причина этого в том, что, несмотря на обещания, до сего времени не доставлены с зимних квартир забытые командирские коды»[5]. Отсутствие скрытого управления войсками, являвшееся одной из причин ставшего хрестоматийным сокрушительного поражения армии Самсонова в Восточной Пруссии в 1914 г., скорее всего произвело убийственное впечатление на командование Красной армии.

Далее Жуков дает действующему командиру корпуса осторожную характеристику: «Фекленко, как большевик и человек, хороший и безусловно предан делу партии, много старается, но в основном мало организован и недостаточно целеустремлен. К проведению этой операции он заранее подготовлен не был, не был готов и его штаб. Более полную оценку Фекленко можем дать только после тщательного его изучения. Помогаем Фекленко и Никишеву в операции по

[5] *Краснов В.* Указ. соч. С. 102.

уничтожению противника. Разработать и провести ее надо так, чтобы наверняка разгромить и крепко проучить японских негодяев»[6]. Нецелеустремленный и малоорганизованный военачальник для обеспечения пусть локальной, но победы над японцами был не слишком подходящей кандидатурой.

На размышление Ворошилову понадобилась неделя. 11 июня 1939 г. он предлагает Сталину отстранить Фекленко и начальника авиации корпуса Калиничева от занимаемой должности и назначить командиром корпуса в Монголии проверяющего Жукова. Сталин согласился. Уже на следующий день Фекленко телеграфирует в Москву: «Командование корпусом сдал комдиву Жукову». Теперь Георгий Константинович назначался лично ответственным за разгром «японских негодяев». Это был своего рода перст судьбы. Если бы изначально наркомом обороны было принято решение сменить командование 57-го Особого корпуса, то вряд ли на эту должность мог претендовать Жуков. Но 11 июня посылать в Монголию нового человека было уже бессмысленно. Воздушная война началась уже 22 июня, наступательные действия японцев у Баин-Цагана – в начале июля. Советское руководство чувствовало эскалацию конфликта на Халхин-Голе и приняло пожарное решение назначить новым командиром корпуса ближайшего соответствовавшего по рангу и личным качествам командира. Им оказался Жуков. Ему

[6] Там же.

был дан шанс, который появляется раз в жизни, он попал в «социальный лифт», способный поднять на вершину или сбросить в пропасть. Этим шансом красный комдив воспользовался не хуже, чем капитан Наполеон под Тулоном. Не следует думать, что сам Жуков оказался без бдительного ока проверяющего. Наблюдать за его действиями направили заместителя наркома обороны Г.И. Кулика.

В отношении других средств борьбы проблема обеспечения нужного результата решалась незатейливо. Так, после майского доклада Фекленко о том, что удержание плацдарма на восточном берегу Халхин-Гола возможно будет только ценой больших потерь от японской авиации, в Монголию вылетела целая делегация специалистов с опытом войны в Испании и Китае. В ее составе было 48 летчиков и специалистов, в том числе 11 Героев Советского Союза во главе с заместителем начальника ВВС РККА Яковом Смушкевичем. Непрестижность службы в Монголии породила полнейший разброд и шатание в базировавшихся там авиачастях 100-й авиабригады. Дисциплина в авиабригаде оценивалась как «самая низкая». Летчики-истребители были обучены только технике пилотирования одиночных самолетов и не обладали навыками группового воздушного боя. Большинство из них даже не имело навыков воздушной стрельбы. Естественно, когда в мае 1939 г. грянул гром, получившие опыт боев в Китае японские пилоты вели воздушные бои с советскими летчиками практически без потерь. В составленном одним

из участников боев полковником Куцеваловым отчете о боевых действиях советских ВВС на Халхин-Голе было прямо сказано: «В первоначальный период конфликта [...] воздушные силы 57-го Особого корпуса потерпели явное позорное поражение»[7].

[7] *Кондратьев В.* Халхин-Гол. Война в воздухе. М.: «Техника-молодежи», 2002. С.9.

Зримые результаты поддержки с воздуха. Командующий советской авиагруппой на Халхин-Голе Я.В.Смушкевич демонстрирует Г.К. Жукову кусок перкаля со сбитого японского самолета.

До 22 июня 1939 г., когда состоялось крупное воздушное сражение, прибывшая в Монголию «команда звезд» сделала очень многое для повышения боеспособности советских ВВС на Халхин-Голе. Прибыли новые авиачасти, устаревшие самолеты были выведены из состава существующих частей. Был оборудован целый ряд новых посадочных площадок вблизи от линии фронта. Только в фантастическом мирке В. Суворова приближение аэродромов к линии соприкосновения противников – это однозначный признак наступления. В действительности близость аэродромов к поддерживаемым сухопутным войскам положительно сказывается на скорости и эффективности реакции ВВС на обстановку на фронте. На Халхин-Голе это существенно помогло советским войскам в оборонительных боях в июле 1939 г. У японцев в 40 км от линии фронта базировались только 19 истребителей Ки-27 24-го сентая. Большая часть японской авиации опиралась на аэродромы Хайлар (150 км от фронта) и Чанчунь (600 км от фронта). Перебазирование авиачасти ближе к фронту занимало не меньше суток, и в критической ситуации времени на такие маневры уже не оставалось. В целом группа Смушкевича обеспечила Жукову если не абсо-

лютное господство, то по крайней мере перевес в воздухе. К началу июля советская авиация на Халхин-Голе насчитывала 280 боеготовых самолетов против 100–110 японских.

В отличие от многих последующих миссий в роли «кризис-менеджера» на фронтах Великой Отечественной, на Халхин-Голе у Жукова была возможность не только ознакомиться с обстановкой, но и потратить несколько недель на подготовку войск. Один из его первых приказов гласил:

«Обращаю особое внимание командиров и комиссаров соединений корпуса на подготовку командного, политического и рядового состава к ведению ближнего боя. В этих целях приказываю наиболее целесообразно использовать затишье на фронте и особенно нахождение соединений (частей) в резерве с тем, чтобы избежать допускавшихся в прошлых боях ошибок и использовать накопленный опыт для выполнения боевых задач с меньшими потерями в людском составе и матчасти.

1. Научить командный, политический состав и бойцов хорошему владению гранатой, штыком, умению скрытно переползать и при малейшей остановке зарываться в землю.

2. В случае, когда противник противопоставляет нашему наступлению организованную оборону, атаку его точек следует начинать после тщательной разведки расположения противника, после подавления его огневых точек огнем артиллерии и минометов. Атаку производить под прикрытием артиллерийского огня.

3. В частях учесть наличный состав снайперов и снайперских орудий.

4. Вводить в бой танковые и бронетанковые части против закрепившегося и подготовившего оборону противника без серьезной артподготовки воспрещаю. С вводом в бой эти части должны быть надежно прикрыты огнем артиллерии во избежание излишних потерь. Необходимо добиваться умелого использования танковых и бронечастей в обороне»[8].

Здесь мы видим, что первоначально Жуков делал упор прежде всего на артиллерию. Он уделяет основное внимание подавлению мешающих продвижению пехоты огневых точек противника огнем артиллерии. Впоследствии опыт приведет его к дополнению действий артиллерии штурмовыми действиями пехоты. На Халхин-Голе этот элемент еще отсутствовал. Но неизменным с первых до последних приказов Георгия Константиновича станет требование беречь людей.

В течение июня обе стороны сосредотачивали силы для новых боев. В район Халхин-Гола с советской стороны были подтянуты полк 36-й мотострелковой дивизии, 11-я танковая, 7, 8 и 9-я мотоброневые бригады, артиллерийские дивизионы и зенитные батареи. Увеличение количества войск привело к укрупнению управляющих ими структур. Еще 5 июня 1939 г. была создана фронтовая (Читинская) группа войск под командованием командарма 2 ранга Г.М. Штерна. В состав группы вошли 1-я и 2-я отдельные Краснозна-

[8] *Краснов В.* Указ. соч. С.104–105.

менные армии, войска Забайкальского военного округа и 57-й Особый корпус. Последний был 19 июня приказом наркома обороны СССР № 0029 переименован в 1-ю армейскую группу.

В целом события развивались по каноническому сценарию войны, на котором базировались тогдашние военные планы: пограничные конфликты, воздушная война и вступление в бой основных сил сторон. В силу удаленности района Халхин-Гола от крупных коммуникаций период сосредоточения и развертывания сильно затянулся. К началу июля японцы подтянули все три полка 23-й пехотной дивизии, два полка 7-й пехотной дивизии, кавалерийскую дивизию армии Маньчжоу-Го, два танковых и артиллерийский полки. Японский план предусматривал два удара – основной и сковывающий. Первый предусматривал переход реки Халхин-Гол и выход к переправам, в тыл советским войскам на восточном берегу реки. Группу японских войск для этого удара возглавлял генерал-майор Кобаяши. Второй удар (группа Ясуока) должен был быть нанесен непосредственно по советским войскам на плацдарме. Вследствие того что японцы не смогли обеспечить свои танковые части переправочными средствами, танками усиливалась только группа Ясуока.

Первой начала наступление группа Ясуока. Это была своего рода мышеловка: японцы хотели втянуть части Красной армии в позиционные бои, вынудить советское командование усилить войска на восточном берегу Халхин-Гола, а за-

тем захлопнуть мышеловку ударом группы Кобаяши по переправам по западному берегу реки. Таким образом, советские войска были бы вынуждены или эвакуировать плацдарм и понести моральное поражение, или оказаться под угрозой разгрома. Если бы Жуков был сторонником пассивного сопротивления, то эта техника сработала бы без сучка и задоринки.

Наступление группы Ясуока началось в 10.00 2 июля. Наступлению японцев оказала серьезное противодействие советская артиллерия. Получив приказ о следующей атаке, 3 июля Ясуока решил продолжать наступление вечером. Японская танковая атака продолжалась до 2.00 ночи 3 июля. Японцы оценивали результаты своей атаки как «очень высокие». С точки зрения сторонников пассивной стратегии, командующему 1-й армейской группы следовало вкопать имевшиеся в его распоряжении танки по башню на плацдарме и ждать дальнейших наступательных действий противника в такой позе. Однако Жуков, столкнувшись с атаками японских танков и пехоты на плацдарме, решил нанести по японцам фланговый удар. Для этого в ночь со 2 на 3 июля началось сосредоточение 11-й танковой и 7-й мотобронеевой бригад и монгольской конницы. Как ни странно, именно это его спасло. В 3.15 3 июля началась переправа группы Кобаяши на восточный берег реки Халхин-Гол в районе горы Баин-Цаган. Японцам удалось сбить с позиций охранявшую линию реки монгольскую конницу и рассеять ударами с возду-

ха ее контратаку. К 6.00 переправились уже два батальона и сразу двинулись на юг, к переправам. В 7.00 утра с японцами столкнулись двигавшиеся к исходным позициям для контратаки подразделения мотобронеевой бригады. Так поступили сведения о переправе японцев и направлении их удара.

Командующий 1-й армейской группой отреагировал молниеносно. Жуков принимает решение немедленно контратаковать образованный японцами плацдарм. Для этого был использован «рояль в кустах» в лице готовившейся к обходному маневру танковых батальонов 11-й танковой бригады М. Яковлева. По первоначальному плану они должны были в середине дня 3 июля переправиться на восточный берег реки в районе «развалин», т. е. севернее той точки, где еще ночью начали переправу японцы. Бригада М. Яковлева была перенацелена Жуковым на атаку плацдарма. Все три танковых батальона с разных направлений (т. к. с разных направлений выдвигались для первоначально спланированного контрудара) атаковали переправившуюся японскую пехоту. Позднее к ним присоединились 24-й мотострелковый полк и бронебатальон 7-й мотобронеевой бригады. Последний атаковал с ходу после 150-километрового марша. Одновременно с танками и броневиками по переправившимся японцам были нанесены удары с воздуха. Причем действовали не только бомбардировщики СБ, но и истребители И-15бис из 22-го истребительного авиаполка. Огнем своих пулеметов они расстреливали пехоту в неглубоких окопах и прислугу артиллерий-

ских орудий.

Жуков принял решение, подтверждение правильности которого можно найти в работах противников Красной армии в Великой Отечественной. Так, например, Меллентин пишет:

«Глубоко ошибается тот, кто благодушно относится к существующим плацдармам и затягивает их ликвидацию. Русские плацдармы, какими бы маленькими и безвредными они ни казались, могут в короткое время стать мощными и опасными очагами сопротивления, а затем превратиться в неприступные укрепленные районы. Любой русский плацдарм, захваченный вечером ротой, утром уже обязательно удерживается по меньшей мере полком, а за следующую ночь превращается в грозную крепость, хорошо обеспеченную тяжелым оружием и всем необходимым для того, чтобы сделать ее почти неприступной. Никакой, даже ураганный артиллерийский огонь не вынудит русских оставить созданный за ночь плацдарм. Успех может принести лишь хорошо подготовленное наступление. Этот принцип русских «иметь повсюду плацдармы» представляет очень серьезную опасность, и его нельзя недооценивать. И опять-таки против него есть лишь одно радикальное средство, которое должно применяться во всех случаях обязательно: если русские создают плацдарм или оборудуют выдвинутую вперед позицию, необходимо атаковать, атаковать немедленно и решительно. Отсутствие решительности всегда сказывается самым пагубным образом. Опоздание на один час может привести к неудаче лю-

бой атаки, опоздание на несколько часов обязательно приведет к такой неудаче, опоздание на день может повлечь за собой серьезную катастрофу. Даже если у вас всего один взвод пехоты и один-единственный танк, все равно нужно атаковать! Атаковать, пока русские еще не зарылись в землю, пока их еще можно видеть, пока они не имеют времени для организации своей обороны, пока они не располагают тяжелым оружием. Через несколько часов будет уже слишком поздно. Задержка ведет к поражению, решительные и немедленные действия приносят успех»[9].

Жуков руководствовался теми же принципами: «опоздание на один час может привести к неудаче любой атаки», «через несколько часов будет уже слишком поздно» и «если у вас всего один взвод пехоты и один-единственный танк, все равно нужно атаковать!». Конечно, атака с ходу привела к большим потерям техники. Из 133 участвовавших в атаке танков было потеряно 77 машин, а из 59 бронемашин – 37. Людские потери танковых батальонов 11-й танковой бригады были умеренными. 2-й батальон потерял 12 человек убитыми и 9 ранеными, 3-й танковый батальон – 10 убитыми и 23 пропавшими без вести. Сведения о 1-м батальоне в публикациях отсутствуют, но, судя по меньшим потерям техники, чем в двух других батальонах, его людские потери были примерно на том же уровне. Поле боя осталось за советски-

---

[9] *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во Второй мировой войне. М.: ИЛ, 1957. С.164.

ми войсками, и многие подбитые танки были восстановлены. На 20 июля 11-я танковая бригада насчитывала 125 танков.

Сгоревший танк БТ-7. Японский офицер вспоминал, что горящие БТ «были похожи на дымы сталелитейных заводов в Осаке». Почерневшие остовы становились спутником боевого применения танков БТ под огнем скорострельных противотанковых пушек.

Произведенный массированной танковой атакой у Баин-Цагана эффект был просто оглушительным. Уже в 20.20 3 июля Комацубара отдал приказ об отводе войск с захваченного утром плацдарма. Отход должен был начаться с утра 4

июля. Переправа шла весь день 4 июля и закончилась только в 6.00 утра 5 июля. Все это время переправлявшиеся японцы подвергались обстрелу артиллерией и атакам авиации. Бомбардировщики СБ выполняли по два вылета в день. К атакам с воздуха были даже привлечены истребители И-16 с 20-мм пушками. В результате боев за плацдарм и затянувшегося почти на сутки отхода с него под ударами советской артиллерии и авиации японцы потеряли 800 человек убитыми и ранеными из 8-тысячной группировки генерала Комацубары. Потери танкистов 11-й танковой бригады в решительной атаке плацдарма по приказу Жукова были более чем оправданны.

Решительная атака захваченного противником плацдарма была и остается общим правилом ведения боевых действий. Пример таких действий мы находим в истории арабо-израильской войны октября 1973 г., известной как «война Йом Кипур» – война Судного дня. Строго говоря, «Йом Кипур» – это День всепрощения, день исправления и очищения, но пафосное название «Война Судного дня» стало едва ли не общепринятым. Боевые действия начались 6 октября 1973 г., в день религиозного праздника Йом Кипур, когда египтянами был захвачен плацдарм на восточном берегу Суэцкого канала. Вскоре последовала реакция израильтян. Они направили в район Суэцкого канала три танковые дивизии (около 500 танков). Резервные 162-я и 143-я танковые дивизии, которыми командовали Абрахам Адан и Ариэль Шарон (будущий

премьер-министр Израиля), должны были с утра 8 октября атаковать египетский плацдарм, уничтожить его и в перспективе захватить собственный плацдарм на африканском берегу Суэцкого канала. Дивизия Шарона, подобно мехкорпусам 1941 г., 8 октября проездила туда-обратно и в бой не вступала. Атака танков дивизии Адана в середине дня 8 октября столкнулась с огнем нового противотанкового средства – управляемых ракет «Малютка» советского производства (обозначение НАТО АТ-3 Sagger) и понесла тяжелые потери. В одной из трех бригад дивизии осталось всего четыре танка. Противотанковые ракеты в 1973 г. были не менее устрашающим оружием, чем скорострельные противотанковые пушки, расстреливавшие танки БТ у Баин-Цагана в 1939 г. На доставленном из Египта в СССР и хранящемся в музее в Кубинке танке М-60 мы сегодня можем увидеть результаты попаданий ПТУРов. Ракета «Малютка» пробила левый борт башни танка и прошила кумулятивной струей башню насквозь, от борта до борта. Атака бригад дивизии Адана с марша не выполнила поставленных задач, привела к большим потерям в технике и людях. Однако она охладила пыл египетских войск и предотвратила немедленное развитие наступления с плацдармов в глубь Синая. Наступление египтян последовало только 14 октября и было успешно остановлено израильскими танками и спешно доставленными из США ПТУР «Тоу». Как мы видим, даже израильтяне – признанные специалисты по маневренным войнам Нового

времени – не чурались решительных контратак на плацдармы, подобным атаке у Баин-Цагана.

Промедление с ликвидацией японского плацдарма, несомненно, могло иметь фатальные последствия. Проблема была в том, что у советского командования не было сил для эффективного сдерживания прорыва японской пехоты к переправам в тылу советских войск на восточном берегу реки. Если бы японцев на несколько часов оставили в покое, то они бы могли благополучно пройти 15 км, отделявших их от советских переправ. Половину этого расстояния они уже прошли к моменту столкновения утром 3 июля с передовыми частями 11-й танковой бригады и 7-й мотобронеевой бригады. Ждать, пока подойдет заблудившаяся пехота, было в такой ситуации смерти подобно. Менее решительные, чем Жуков, командиры вскоре будут зимой 1939/40 г. попадать в окружения-«мотти» в Карелии. Потому что не станут в нужный момент бить всеми имеющимися под рукой силами по просочившимся финнам. Комдиву Жукову удалось в июльских боях на Халхин-Голе обойтись без «трагедии окруженных». Пусть ценой нескольких десятков превратившихся в обугленные остовы танков. Очень жаль, что Г.К. Жуков не возглавлял соединение или объединение в советско-финской войне.

Жертва Sagger-а – сгоревший израильский танк М-60 американского производства. Октябрь 1973 г. Противотанковые ракеты «Малютка» выкашивали израильские танки так же, как японские противотанковые пушки выбивали танки БТ на Халхин-Голе.

Кроме того, я не думаю, что Жуков ожидал такого быстрого выбивания атакующих танков. Похоже, что для него быстро превратившиеся в костры атакующие «БТешки» стали шоком. Точно так же для израильтян в октябре 1973 г. стали шоком «Малютки», безжалостно выкашивавшие их танки. Командир танковой дивизии Абрахам Адан докладывал командованию: «У нас большие потери, очень большие. Танки горят от ракет». До 70 % подбитых и уничтоженных в войне

1973 г. израильских танков пришлось на «Малютки».

По итогам боев на Халхин-Голе Жуков писал, что «танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны»[10]. Эту фразу ему вспомнил Владимир Богданович: «Жукова не судили потому, что режиму вовсе не надо было разбираться с причинами разгрома 1941 года. Причины надо было замять, замазать, затереть. Сам Жуков этим и занимался: «Работали танки на бензине и, следовательно, были легковоспламенимы» (Воспоминания и размышления. С. 137). «Танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны» (С. 170). Зачем повторять? Чтобы все усвоили»[11]. Обобщение в данном случае сделано В. Суворовым в полемическом задоре, т. к. пожароопасность танков как основной аргумент историками 1941 г. не использовалась. Упор больше делался на легкость поражения легких танков противотанковой артиллерией.

Что же заставило Жукова сделать вывод о пожароопасности танков? В составленных после боев отчетных документах 1-й армейской группы мы можем найти такие слова:

«Потери танков и броневиков от огня различных родов войск ориентировочно распределяются так:

от противотанковой артиллерии – 75–80 %;

от «бутылочников» – 5–10 %;

от огня полевой артиллерии – 15–20 %;

---

[10] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. Указ. соч. С.183.

[11] *Суворов В.* Последняя республика. М.: ТПО АСТ, 1995. С.243.

от авиации – 2–3 %;

от ручных гранат, мин – 2–3 %.

Наибольшие потери танки и броневики несли от противотанковой артиллерии и от «бутылочников» – приблизительно от обоих средств противотанковой обороны 80–90 % всех потерь. От бросания бутылок танки и броневики горят, от попадания противотанковых снарядов почти все танки и броневики тоже горят и восстановлению не подлежат. Машины приходят в полную негодность, пожар вспыхивает за 15–30 с. Экипаж всегда выскакивает с горящей одеждой. Пожар дает сильное пламя и черный дым (горит, как деревянный домик), наблюдаемый с дистанции 5–6 км. Через 15 минут начинают взрываться боеприпасы, после взрыва которых танк может быть использован только как металлолом»[12]. По образному выражению одного японского офицера, «погребальные костры горящих русских танков были похожи на дымы сталелитейных заводов в Осаке».

Неудивительно, что, наглядевшись на «дымы как заводы в Осаке» и «горит, как деревянный домик», Жуков сделал вывод о пожароопасности применявшихся на Халхин-Голе танков. Заметим, что оценка эта сделана в отношении только танков типа БТ. Причиной этого являлся конструктивный недостаток всего семейства танков БТ, заключавшийся в расположении больших по площади бензобаков по бортам боевого отделения. Они легко поражались артиллерийским

[12] *Коломиец М.* Бои у реки Халхин-Гол. М.: Стратегия КМ, 2002. С.67.

огнем независимо от используемого топлива. Одновременно можно сделать вывод, что уже в конце 1930-х были заложены основы «позиционного кризиса» Нового времени, когда танки стали не менее уязвимы на поле боя, чем пехотинцы 1914 г.

Японцы также столкнулись с проблемой пошатнувшегося в сторону средств нападения баланса между щитом и мечом. Из 73 танков, участвовавших в атаке группы Ясуока на советский плацдарм 3 июля, был потерян 41 танк, из них 13 – безвозвратно. Уже 5 июля японские танковые полки были выведены из боя, 9 июля их вернули к месту постоянной дислокации. После сражения у горы Баин-Цаган японцы отказались от обходных маневров и попытались разгромить советские войска на восточном берегу реки Халхин-Гол грубой силой. Войска группы Комацубары были перенацелены на атаки плацдарма. Они пытались прорваться к переправам и отрезать советские войска на восточном берегу реки.

Не следует думать, что Жуков был самородком, заранее знавшим все тонкости военной науки. Халхин-Гол был не только его «Тулоном», но и школой ведения операций. Его наставником в этом трудном деле стал Борис Михайлович Шапошников. В частности, 12 июля 1939 г. он телеграфировал командующему 1-й армейской группой:

«Отдохнувший противник в ночь с 7 на 8 июля вновь атаковал, и вам нужно было отбить противника на основном рубеже обороны. Вместо этого 9 июля вы перешли в общее

наступление, невзирая на мое предупреждение этого не делать. Я предупреждал вас также не вводить в бой головной полк 82-й стрелковой дивизии прямо с марша; вы и этого не выполнили, хотя и согласились с моими указаниями. Я понимаю ваше желание вырвать инициативу у противника, но одним стремлением «перейти в атаку и уничтожить противника», как об этом часто пишете, дело не решается»[13].

Здесь Жуков столкнулся с реалиями быстро растущей Красной армии. Ему было прислано свежее соединение из Уральского военного округа – 82-я стрелковая дивизия. Он попробовал ввести дивизию в бой, чтобы переломить ситуацию в свою пользу, и столкнулся с ее низкой боеспособностью. Сформированная в июне 1939 г., 82-я стрелковая дивизия была развернута по принципу «тройчатки», то есть ее ядром стал полк мирного времени. Качество и уровень дисциплины такого соединения были довольно низкими. Неудивительно, что комиссия Г.И. Кулика именно 27 июля 1939 г. приняла решение о переходе к системе одинарного развертывания. Кулик был на Халхин-Голе в период дебюта 82-й стрелковой дивизии и мог своими глазами увидеть все недостатки системы тройного развертывания, донельзя разбавлявшей кадровый состав запасниками и людьми, ни разу не державшими в руках оружия.

В телеграмме Шапошникова прямо и недвусмысленно было сказано: «Добро пожаловать в реальный мир!» Он указы-

[13] *Краснов В.* Указ. соч. С.114.

вал Жукову: «Вы жалуетесь на неподготовленность 5-й мотомехбригады и головного полка 82-й стрелковой дивизии, но ведь вы ничего не сделали, чтобы исподволь ввести их в бой, «обстрелять», дать комначсоставу и бойцам «принюхаться» к бою, обстановке. Вы эти части бросили наряду с другими в атаку, на них сделали ставку и хотели с их помощью «уничтожить» противника»[14]. Под атакой японцев части 82-й стрелковой дивизии обратились в бегство, бросая технику и оружие. Георгий Константинович приучался воевать теми войсками, которые присылают, а не идеальными – прошедшими длительную подготовку и морально устойчивыми. От него потребовались титанические усилия по повышению боеспособности присланных частей и поиску их места в бою.

Июльские бои на плацдарме стали испытанием крепости нервов даже для такого решительного и жесткого человека, как Жуков. Шапошников потребовал отменить приказ об отводе и держаться. После неудачи с вводом в бой «тройчатки» (82-й стрелковой дивизии) сложилась критическая ситуация, и Кулик приказал Жукову отводить войска с плацдарма. Жуков отдал соответствующий приказ как командир 1-й армейской группы, который был вскоре отменен приказом из Москвы. Кулику вкатили выговор за самоуправство, а Шапошников указывал Жукову, что для отвода войск не было объективных предпосылок – в предыдущий день япон-

[14] *Краснов В.* Указ. соч. С.114.

цы активности не проявляли.

Также Шапошников учил Жукова тонкостям ведения обороны: «Сочетать оборону и короткие удары по слабым местам противника мы не умеем…» Это умение потребуется Жукову в тяжелых сражениях 1941 г. Требовалось собирать силы и не позволять противнику ослаблять фланги и второстепенные направления.

Победители. Г.К. Жуков, Н.Н. Воронов и М.С.Никишев на Халхин-Голе, август – сентябрь 1939 г.

Тем не менее 31 июля 1939 г. Г.К. Жукову было при-

своено очередное воинское звание – комкор. Его действия, несмотря на некоторые шероховатости, были признаны успешными, и второй смены проверяемого на проверяющего не произошло (Г.К. Жукова не сменили на Г.И. Кулика). Он сумел обойтись без крупных проколов и сохранил относительную стабильность положения советских войск на Халхин-Голе.

В подготовке августовского наступления Г.К. Жуков учел реальные возможности частей и соединений и построил из двух полков показавшей себя не с лучшей стороны 82-й стрелковой дивизии слабый центр своих «канн». Определенный риск в оставлении заведомо слабого соединения против основных сил противника, конечно, был, но советское командование считало возможным упредить очередное наступление японцев. Получив отрицательный опыт с «тройчаткой», Жукову прислали из Забайкальского военного округа 57-ю стрелковую дивизию И.В. Галанина, сформированную еще в 1920 г. Боеспособность ее была намного выше, и поэтому ее решились поставить в одну из ударных групп для операции на окружение. Также в распоряжение командующего 1-й армейской группой прислали свежую 6-ю танковую бригаду полковника М.И. Павелкина.

В целом план августовской операции был своего рода модернизацией жуковского замысла флангового контрудара периода боев на Баин-Цагане. Та же 11-я танковая бри-

гада должна была форсировать Халхин-Гол севернее горы Баин-Цаган, выполнив маневр, абсолютно идентичный прерванному японской атакой 3 июля. Эта деталь позволяет практически однозначно указать на Жукова как на автора плана разгрома японских войск. К началу операции 11-я танковая бригада была пополнена танками БТ-7 и к 20 августа насчитывала 200 танков. Отличием от спланированного в июле контрудара стало появление южной «клешни» из только что прибывших 57-й стрелковой дивизии и 6-й танковой бригады. В резерве были 9-я мотобронеевая бригада и 202-я авиадесантная бригада. Применялась последняя в качестве элитной пехоты, на долгие годы определив характер использования воздушно-десантных войск Красной армии.

«Изюминкой» подготовленной Г.К. Жуковым операции была быстрота сосредоточения ударных группировок. И северная, и южная ударные группировки переправились на западный берег Халхин-Гола только в ночь на 19 июля. Тем самым была обеспечена внезапность удара утром 20 июля. До 19 июля на восточном берегу реки находились только хорошо знакомые японцам по июльским боям стрелковые части и монгольская конница. Японское командование готовило операцию по разгрому этих сил. Начало японского наступления было назначено на 24 августа, и оно безнадежно опоздало.

Репетиция катастрофы?

Если Халхин-Гол был «Тулоном» Г.К. Жукова, то совещание командного состава Красной армии и последовавшие за ним игры на картах стали важнейшим этапом на его дороге к вершинам военной иерархии. В. Суворов посвящает описанию январских игр 1941 г. целых три главы «Тени победы». Он беспощадно вгоняет хладное острие шпаги своего остроумия в беззащитные тушки авторов парадных статей «Красной звезды». Надо сказать, что свежая кровь авторов передовиц армейской газеты – это весьма сомнительный охотничий трофей. Повторение ими сложившихся легенд об этом событии и других явлениях войны не самый большой грех. Сам Владимир Богданович регулярно грешит перепевом пропахших нафталином пропагандистских мифов.

Газетные полосы массовых изданий – это акры и гектары садов развесистой клюквы. Например, Гавриил Попов на страницах «Новой газеты» с апломбом, оставляющим далеко позади полковников и генералов «звездочки», повествует о скрытых от объектива кинохроники ленд-лизовских танках на параде на Красной площади 7 ноября 1941 г. Это особенно удивительно в свете того, что давно опубликованы документы, касающиеся легендарного парада. В этих документах поштучно расписаны типы и количество техники, выделенной для проведения парада. Ни одного поставленного по

ленд-лизу английского танка в параде не участвовало. Вообще тому параду постоянно достается. Тележурналист Николай Сванидзе в своей программе «Исторические хроники» объявляет на всю страну, что на параде шли «сибиряки». Если бы он взял на себя труд поинтересоваться вопросом, то узнал бы, что на параде шла не «сибирская» дивизия, а соединение, сформированное недалеко от Москвы, в городе Иванове. Паулю Кареллу еще позволительно обзывать всех советских солдат в зимней униформе «сибиряками», но журналисту российского телеканала стоило бы все же быть аккуратнее.

Я, например, стараюсь вообще не читать газеты и не смотреть телевизор. А то иногда закрадывается крамольная мысль, что и про экономику нам рассказывают такие же сказки, что и про военную историю. Только я в силу скромных познаний в макро– и микроэкономике не могу эти сказки распознать.

Происхождение легенд о направленности январских игр более интересная тема, но здесь мы вряд ли выясним действительные причины умолчания и искажения фактов. Где и когда генералами и маршалами было принято решение помалкивать и запудривать мозги журналистам, мы не узнаем никогда. Скорее всего за январские игры нашим военачальникам было стыдно. Признавать, что они не имели никакого отношения к отработке планов войны, считалось фактом, который трудно объяснить людям. С точки зрения тогдаш-

ней теории начала войны игры могли отрабатывать только планы прикрытия.

Представим себе на минуту торжественный прием с банкетом в Кремле, встречу уже убеленных сединами товарищей по оружию. В какой-то момент разговор касается игр на картах в январе 1941 г. Многих участников тех игр уже нет в живых. Кто-то встретил смерть в «котле» в 1941 г., кто-то в Подмосковье, кого-то настиг осколок жарким летом 1943 г. на Курской дуге, кто-то был обвинен в измене и расстрелян. Кто-то просто постарел на десятилетия, пройдя через тяжкие испытания плена. Что могли чувствовать люди, прошедшие всю войну, многократно видевшие смерть и стоявшие на краю пропасти, вспоминая проводившиеся с нарочитой серьезностью перемещения войск, существовавших только на картах? Пожалуй, только мучительный стыд за свою самонадеянность, за беззаботность вводных, за кажущиеся спустя годы игрой в «солдатики» учения. Один из них мог просто прервать затянувшуюся паузу выдуманной версией событий. Исключительно из благих побуждений, не задумываясь в тот момент о последствиях такого негласного договора. Благими намерениями, как мы знаем, вымощена дорога в ад.

Умолчание в итоге привело к тому, что неизвестные широкой общественности замысел, ход и результаты военных игр января 1941 г. были интерпретированы Владимиром Богдановичем в плоскости своей теории:

«Вторжение севернее Полесья – это прямой удар на Бер-

лин, однако впереди – Восточная Пруссия, сверхмощные укрепления, Кенигсберг. И вся германская армия.

А удар южнее Полесья – это отклонение в сторону, это обходной путь… Однако это удар в нефтяное сердце Германии, в сердце, которое практически ничем не защищено. На одном синтетическом горючем далеко не уедешь.

Потому было решено провести две игры, сопоставить результаты и сделать выбор. На первой игре основной удар в Европу наносится севернее Полесья с территории Белоруссии и Прибалтики. На второй игре вторжение в Европу происходит с территории Украины и Молдавии»[15].

Заметим, что долгие и терпеливые объяснения специалистов, что в «Ледоколе» написаны глупости, все же достигли ушей В. Суворова. Как нам радостно сообщают в рекламе по ТВ, «Марина открыла для себя новые прокладки с крылышками!». Владимир Богданович сделал сравнимое с этим открытие в области топливного баланса Третьего рейха. Он «вспомнил» о синтетическом горючем, существенно подрывающем его тезис о неизбежном параличе вермахта вследствие удара по Румынии. Поэтому он делает вынужденную оговорку, все еще цепляясь за теорию «кащеевой смерти», таящейся в нефтяных полях Плоешти. Очевидные глупости он «брать обратно» не хочет, предпочитая со стойкостью настоящего мазохиста сносить шпильки оппонентов.

С географией у Владимира Богдановича определенно

[15] *Суворов В.* Тень победы. Донецк: «Сталкер», 2005. С.136.

нелады: удар южнее Полесья – это в первую очередь Люблин и Краков, а не Румыния. В промежутке между Карпатами и Полесьем на географической карте широченный коридор, в котором в 1941 г. наступали две немецкие армии и танковая группа, а в 1944 г. гремела Львовско-Сандомирская операция.

Но все это даже не так важно рядом с основным тезисом В. Суворова о том, что игры января 1941 г. были обкаткой оперативных планов Красной армии. Разумеется, с точки зрения Владимира Богдановича, это были никакие не планы прикрытия, а планы вторжения в Европу. Здесь приходится констатировать незнание В. Суворовым материалов, давно введенных историками в научный оборот. Читать «Красную звезду» и упрекать полковника В.И. Мороза в незнании сути игр у него время есть. Изучить опубликованные больше десятилетия назад документы советского военного планирования Владимиру Богдановичу все еще недосуг. Простое сравнение этих документов с обстоятельствами игры показывает, как далеки были январские игры от обкатки оперативных планов Красной армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.